

о Бруне есть и свои излюбленные художественные образы и другие особенности стиля, не подтверждающиеся Анфологионом, а или перенесенные из оригинала, или принадлежащие лично переводчику. Перечислим, напр., ряд таких отдельных выражений, как: «славна себе сотвори на всем крузе земнем», «объяви на крузе земнем своего разума достояние», «на всем крузе земнем прославистася»;¹ «от боку родителей моих отлучил еси мене», «едино има (родителям Бруна) сетование бе. . . дабы има по себе наследника от своего боку видети»; много раз повторяющиеся определения: «мудростию (разумом и т. п.) кипящая я», «богом надаренный (разум, смысл, наука)», «вижду бо я от бога надареннаго в тебе смысла кипящую премудрость», «зря его отовсюду мудростию кипети», «одежда в а г р а ж д е н н а я мноюю ценою» и т. д. Интересны для художественной манеры изложения два эпизода, вставленные в нашу редакцию и отсутствующие в обычной версии романа о Магелоне: 1) разговор Мелеонии с отцом: «Она же благородная отроковица, егда его [Бруна] узре, вопрошаше об нем отца; он же ничесоуж к ней отвещеваше и велми о сем гневашеся на ню. Она же паки его вопрошаше, дабы ей явил род того юноши. Отец же ея я р о с т н ы м о к о м на ню позре и со гневом к ней отвещеваше: о, отроковица честная, чесо ради беседою бесчестие и гнев ми твориши своему отцу, о благородных и любимых мною, паче же достойных себе честию и саном, не вопрошаешь мя, но о сиротах малородных желашеши у мене ответа? Срам бо ми есть твоему родителю, и велию скорбь задаваеши ми таковая от тебя слышати. Она же, благоразумна сущи, боле того ничтоже рече своему отцу тогда, дабы на болшии гнев и ярость того не привести, и в сердце своем непрестанно мысляше и желаше како бы ей в едине искусити того юношу и увести род и достоинство его» (лл. 254—254 об.) и 2) упомянутый уже рассказ о мудром князе и злых советниках, разработанный до мелочей, с тонким подчеркиванием тихого облика князя и неистовствующих приближенных («он же, яко мудр сый, егда предташа в о п и ю щ и, т и х о их вопрошаше, глаголя. . .» — л. 261 об.). Уча и наставляя своих слушателей на примере долгостерпения Мелеонии и Бруна, повествование не раз пользуется приемами проповеди, ссылаясь на Иова («ниже порошцем ко владыце, но со Иовом возопием: господь даде и господь взя и прочая возглаголем с ним. Аще же надежду таковыи положит в бозе, яко Иов может прославиться, который покажет Иовово терпение — не точию яко Иов, но яко и вси святии может славою просияти. . .»), напоминая образ светильника под спудом и злата, очищающегося в горниле, приравнивая разумную Мелеонию к мудрой в ответах Юдифи т. д. И даже обращение к читателям вылилось в более привычную формулу: «Сладка нам божественная писания, б р а т и е, не точию почитающим, но и слушающим» — л. 249; «Мы же, б р а т и е, слышавше таковая, в первых себе положим надежду твердо имети о бозе, по сем милостивым быти, по глаголющему: блажени милостиивии, яко тии помиловани будут» — л. 272.

¹ Сравни латинское: orbis terrae.